

Как быть мудрым и нужно ли им быть

Аннотация. Предложенная читателю статья – об уникальной природе мудрости как выражении сущностной потенции человека. В центре особого внимания находится анализ не востребованности мудрости, индифферентного отношения к глубоким знаниям и отсутствия ориентации современника на истинную самореализацию.

Ключевые слова: мудрость, познание, интеллект, совесть, долг.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Всепоглощающий интерес к мелким внешним эффектам лишает феномен мудрости даже малейшей возможности на реализацию. Ведь она не только не приносит материального дохода, но и надежно охраняет нас от него. Итак, мудрость – понятие устаревшее. Даже если о ней говорят и ее жаждут, на самом деле никто не хочет быть мудрым, это не модно, т. е. несовременно, не характеризует человека как продвинутого, включенного в контекст дня, тем более успешного.

Нет желания быть мудрым. Это трудно и небезопасно в нашей действительности, требует громадного напряжения сил, преодоления персональных и имперсональных препятствий и собственной ограниченности. Особым пунктом трудности является наша моральная несостоятельность, отсутствие понимания априорного нравственного закона и засилье одноразовой морали. Медиатизированная технология не создает условия для зрелых рассуждений. Всепоглощающий постмодернизм как культурная логика маргинального капитализма здесь в своей худшей роли.

В качестве суррогата мудрости, ее заменителем чаще всего является хитрость, порой наивная и бессмысленная. Бессмысленная, потому что к ней прибегают для сокрытия равнодушия, беспечности и индифферентности. Как перечисленные «ценности», так и желание их не афишировать являются нормой контекста наличной жизни, признаком воспитания и хорошего тона.

Мудрость конкретна. Осознание конкретности мудрости делает очевидным факт нашего посылного содействия в ее наличии или отсутствии. Она всегда персональная характеристика человека, эпохи или народа. Современную интерпретацию понимания мудрости и отношение к ней современника лучше всего выразил М. Фуко в «Ницше, генеалогия и история»: отказавшись от страсти к истине и знанию, мы чтим практику глупости [1].

Глупость тоже конкретна. Как бы мы ни определили происходящее в стране – недоумием или хорошо организованным хаосом, понятно, что от мудрости оно весьма далеко. Когда падают спутники, матери продают младенцев, отцы убивают грудных детей с особой жестокостью, именитые сыновья допускают, что их отцы живут на помойке, когда содержание одного спортсмена равно бюджету небольшого города (450 млн р.) – как говорить о мудрости? В это же время руководство страны озабочено тем, с каким счетом заканчиваются футбольные и хоккейные матчи, в прямом эфире встречается с командами или устраивает знаковые встречи с юмористами «Комеди Клаб», восторгаясь от умиления... Это государственной мудростью не назовешь. Как подчеркивал Кант, мудрость состоит больше в образе действий, чем в

знании, нуждается в науке не для того, чтобы учиться, а – чтобы ввести в употребление ее предписание и закрепить его [2].

В условиях формирования информационного общества трансформируются и ценности, прежние – не работают, новых – нет. Новые проекты будущего в основном направлены на преодоление гуманизма и человечности в их традиционных значениях, т. е. того, что до сих пор сохраняло человечеству его собственное лицо и идентификационные возможности в истории, а в процессе воспитания молодежи оформляло идеал универсального образования. Проблема заключается в том, что ценности сегодня не только пересматриваются, но и уничтожаются, и пока что мы свидетели огромного количества неудачных попыток заменить их более современными, адекватными, работающими системами. Приходится признать, что мы фактически планомерно и целенаправленно формируем нового человека, образ которого совершенно не соответствует заявленному социальному заказу; или же существует скрытый мотив его формирования, который не озвучивается и, пусть даже пассивным попустительством, но принимается обществом по умолчанию.

Когда конкретный человек тратит силы для достижения успеха, который заключается в том, чтобы его чаще показывали по телевизору, и для этого увеличивает грудь, губы и иные места на 4–5 размеров, бреет голову узорчато, разрисовывает тело немыслимым образом... мудростью это назвать нельзя. Есть примеры более содержательные – 20-летние миллионеры. Мальчик без образования первый миллион заработал в 13 лет. По собственным рассказам, он покупал «сникерсы» и «марсы» в магазине и в школе перепродавал своим одноклассникам... и восхищения нет предела: «Какой умница!» В этом возрасте, конечно, нельзя ожидать проявления мудрости. Я о других, о тех, кто это делает предметом шоу (всему этому посвящается прайм-тайм), осознанно или неосознанно насаждая культ праздной и никчемной жизни. Здесь уже на возраст участников шоу сослаться невозможно. Это уже целенаправленная государственная политика уродливой социализации элиты поколения, которая нами сегодня командует. Общеизвестно, что телевидение – мощное средство формирования ценностей современника. Вопрос: что мы культивируем, нужно ли в данном контексте образование? Где здесь вставить рассуждения о мудрости? Духовность и интеллектуальность не создаются механическим набором естественных и гуманитарных наук, их осмысление требует нравственно-эстетических ориентиров. Следовательно, если наши рассуждения о гармонизации ценностей, о возрастании духовности и нравственности не сопровождаются целенаправленными действиями, обеспечивающими их реализацию, трудно говорить о возможности формирования полноценного человека.

Мудрость – это проблема познания (присвоения мира), для которой она порождение конфликта между рассудком и разумом. А от конфликта рассудка и разума производным является конфликт логик. Правда в том, что рассудок никогда не может стать фундаментом мудрости. Он механизм получения знания, безусловно, необходимого в процессе стремления к мудрости. Однако необходимо осознать и то, что рассудок выступает вполне автономным состоянием мыслительной активности и в бинарной оппозиции разуму, который непосредственно фундирован в статусе интеллектуальной роскоши.

Бинарности, которые порождают глобальные проблемы, прежде всего в познании, ярче всего иллюстрируются в феномене мудрости: это проблемы общего и единичного, конкретного и абстрактного, теоретического и практического. Как универсалии мудрость – лучшая демонстрация этих конфликтов, вернее, их решения.

Рассудок – это способность суждения, что приносит человеку знание. Путем целенаправленной и сознательной обработки чувственных данных человек обретает специфику своей сущности – осознанное познание. Простые слова и понятия получают статус категорий и универсалий. Они сами становятся предметом познания, образуют всеобщие формы мышления, которые поддаются осознанию и исследованию с помощью категориальных аппаратов. Универсальным способом функционирования мысли выступает формальная логика, что составляет и силу, и слабость рассудка. Она организует, упорядочивает, но она же ограничивает, узаконивает и запрещает.

Абстрагирование и обобщение – сущность рассудка, поэтому он может игнорировать конкретное/единичное и полностью сосредоточиться на внешнем виде, всеобщих формах мысли и связях между ними. Именно в силу его предельной упорядоченности и стандартизации рассудок можно рассматривать как низшую, нетворческую форму любого теоретического мышления. Его характеризуют формальная логика, строгий порядок в организации, внутренняя непротиворечивость, стандартность, слепая нормативность. Он не суверенный, зависит от внешней ситуативной (а не надситуативной) целесообразности. Он оперирует категориями «или-или», «либо-либо», абсолютно противопоставляет различие и тождество. Так, на вершине рассудка наступает паника, конец мышления, «конец истории», философии, «смерть Бога» и «смерть субъекта»... Приходит пора отчаяния.

Разумное существование связано с приобщением человека к единому, универсальному и нравственному, что и приводит его к мудрости и состоянию духовно-интеллектуального равновесия. Трансцендентальная диалектика как способ существования логики разума является гарантом его инаковости. Отрефлексированное состояние разумного существования называется мудростью.

Наряду со всеми иными понятиями в рамках рассудка возникают и получают смысловую нагрузку и определенность, и те формы понятий, суждений, умозаключений, которые в рамки работающего метода не помещаются. Рассудок всего лишь дает им имена, а использовать не может, так как для работы рассудка они незначительны. Неумещающиеся формы понятий (мистические, религиозные, трансценденталии, эстетические) по своему содержанию относятся к области неосознанного мышления, которая вслед за развитием рассудка (и только благодаря его развитию) выходит из примитивных форм и не только получает автономное существование в собственных видах (подсознательном, надсознательном, пралогическом), но и имеет рычаги воздействия на рассудок (сознание).

Разум содержит в себе противоположности как идеальные моменты. Он использует диалектическую логику в ее положительном варианте. Разумное в этом качестве приобретает вид мистического, которое обыватель приравнивает к таинственному и непонятному. Для одних оно выглядит как обман и суеверие, а для других – как истина в последней инстанции. «Мы должны прежде всего заметить, что мистическое, несомненно, есть нечто таинственное, – пишет Гегель, – но оно таинственно лишь для рассудка, и это просто потому, что принципом рассудка является абстрактное тождество, а принципом мистического (как синонима спекулятивного мышления) конкретное единство тех определений, которые рассудок признает истинными лишь в их раздельности и противопоставленности» [3]. Как видно из цитаты, по мнению Гегеля, все разумное может быть названо мистическим, и это означает только одно: рассудок трансцендирует за собственные пределы, что, в свою очередь, совершенно не означает рассмотрения разума как недоступного мышлению в качестве непостижимого.

В разуме формальная логика теряет свое былое могущество и делит роль метода с диалектической логикой, которая фактически элиминирует ее. Таким образом, разум характеризуется наличием диалектической логики, снятием противоречия тождества и различия. В практическом применении механизм функционирования осуществляется рефлексией разума (отрефлексированный разум). Именно это форма называется мудростью, любомудрием, философией.

В разуме человек разумный выглядит как мистический человек – мудрец. Однако мистика здесь не синоним таинственного и непонятного. Как указывал Гегель, принципом рассудка является тождество, а принципом мистического мышления выступает конкретное единство тех определений, которые рассудок признает истинными только в их разделенности. Таким образом, мистическое является таинственным только для рассудка, но не для разума. Собственный категориальный аппарат разума представляет собой совокупность трансценденций, понятий религиозных, мистических, эстетических, моральных. Они обеспечивают создание непротиворечивых систем мировоззрения и являются гарантом органического единства и принципиально открытого характера разума.

Если вспомнить, что, согласно Аристотелю, познание может быть или возможным, или действительным, то все вполне закономерно. Возможность (деятельное состояние ума) относится как к общей, так и к индивидуальной способности человеческой деятельности. Для того чтобы возможность стала действительностью, человек должен осуществлять свою способность к познанию. В качестве возможности каждый отнесен к способности сущности. В качестве же действительности человек чаще всего останавливается в состоянии рассудка. В этом смысле мудрость – феномен разума, и, если сущность человека в разумности, рассудочный человек в определенном смысле недочеловек, так как в качестве действительности человек чаще всего останавливается на рассудочном состоянии (страдательного ума/разума), формат ума слишком примитивен, путь к формату разума слишком долг и тяжел, а формат рассудка – в самый раз.

Таким образом, ум создает поле зрения ума, в котором оказываются вещи и предметы. Они умом схватываются, но не познаются, в собственном смысле этого слова. Рассудок познает, следовательно, он приносит человеку знания. Ему дана действительность в строго логическом порядке. Разум приносит мудрость и возможность осознанного, волевого трансцензуса.

Интеллектуальность и мудрость – разные вещи. Гераклит говорил: «Многознание ума не прибавит». Быть интеллектуалом, профессионалом не гарантирует достижения мудрости. Мудрость сопряжена с постоянным нахождением иных, не существующих пока решений, знаний, информации, т. е. с интуицией и творческим мышлением в строго собственных значениях этих слов. Интеллект всегда стоит перед опасностью оказаться в тупике мышления, который возникает на базе нехватки готового знания, ведь все знать невозможно. Даже гипотетическое предположение подобного всезнания не избавляет от того, что необходим качественный скачок, открытие нечто такого, что до этого не было даже потенциальным его содержанием. Здесь рассудок в собственной стихии: он упорядочен, огорожен и в полной уверенности в себе по сути своей не может принять того, чего не может быть.

Мудрость – это система не огороженная, открытая. Ей неведомы тупиковые ситуации, и не потому, что их быть не может, а потому, что всегда может наступить «вдруг», время, когда чем-то необходимо жертвовать и события следует принимать такими, какие они есть, заботясь только о том, что необходимо сохранить облик че-

ART 14359

УДК 179.9

ловека. К примеру, мы все желаем оттянуть момент нашей смерти, но, когда она приходит неожиданно, нужно иметь не интеллект, а мудрость принять очевидное, и это тоже решение. Решение не под давлением внешних обстоятельств, а благоразумный выбор этого конца (к примеру, пересадить себе чужую печень или иметь волю на естественную смерть, ведь как минимум мы не знаем, что там нас ждет). В этом контексте весьма показательной иллюстрацией является произведение Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича».

Мудрость не может быть аморальной. Мудрость не может быть без чести, достоинства и совести (интеллект без них вполне может обходиться). Однако эти категории сегодня не способны приблизить нас к пониманию мудрости, так как они также обзавелись современными, более адекватными контексту дня значениями (заместителями-симулякрами). Честь – это уже не верность слову, а утаивание неприглядной правды. Честь – это значит жить умеючи, как велит стая, к примеру, по двойным стандартам или уметь «ловить рыбку в мутной воде». Совесть – это уже не максимальная мораль Иммануила Канта, а способность не говорить о болячках социума вслух. Если в контексте мудрости совесть – ответственность перед собой, ответственность человека за его понимание добра и зла, долга и справедливости, умение и смелость озвучить это, то сегодня, в контексте рассудка, совесть – душевный стриптиз, нечто постыдное, недалекое и неприличное для демонстрации на публике. Долг и достоинство в их исконных значениях – самопринуждение и сознательное самоограничение, которые переходят во внутреннюю склонность и полностью совпадают с характеристиками мудрости, где они имеют вид психологической очевидности. Достоинство в мудрости – это особое моральное отношение человека прежде всего к себе. Сегодня долг и достоинство скорее сохранение верности нечестивцу, стремление не сдать и не выдать его в надежде будущих дивидендов. Справедливость давно не является источником эмоционально насыщенных противоположных чувств – от черной зависти до трепетной благодарности, она блажь самодурства. Доброта – слабость, смысл жизни – пустой звук (где я, где завтра) и т. д. Именно такие представления нравственных ценностей принимаются в качестве условия счастливой, успешной и безбедной жизни. Здесь самое время вспомнить Канта, который писал: «Только нравственность содержит в себе мерило, которое позволяет надеяться на счастье волею мудрого творца. В самом деле, так как мудрость, рассматриваемая теоретически, означает познание высшего блага, а рассматриваемая практически – соответствие воли с высшим благом, то высшей мудрости нельзя приписывать цель, которая была бы основана только на благодати. Ведь результат этой благодати (в отношении счастья разумных существ) можно мыслить только при ограничивающих условиях соответствия со святостью своей воли как с сообразной высшему первоначальному благу» [4].

Мудрость – внутренний диалог, который требует правильной методологии мышления и нравственного закона. Мудрость не бывает бесстрастной, бесхарактерной и беззубой. Мудрость работает на вечность, на временность она не разменивается, поэтому никогда не бывает эффективной и эффектной. В сфере действительного и необходимого ей места нет (здесь все нужно быстро, быстро, непременно сразу результативно, ничего не может подождать). И даже здесь, как надежда, мудрость хранится в сферах желаемого и должного, которые всегда могут подождать...

Молодое поколение сегодня живет в условиях, когда в качестве основной ценности им навязывается «успех любой ценой». Сегодня понятие «успех» является голым представлением о преуспевании. Он понимается в основном как утилитарный,

ART 14359

УДК 179.9

меркантильный, материальный, внешний, поверхностный, сиюминутный. Желание непременно быть замеченным и признанным заставляет неокрепшую психику пуститься во все тяжкие. Погоня за внешним блеском дезориентирует молодое поколение и уводит его далеко от истинных ценностей человеческого существования.

Необходимо сделать рабочими принципы интеллектуального превосходства и социально полезного успеха: успех как многознание, как умение убедить других силой предъявляемой аргументации, как демонстрация свободы поступка, сохраняющей нравственный облик, успех как гибкость ума и креативность мышления. Необходимо особо подчеркнуть, что для грядущего меритократического общества, основанного на информационных технологиях и сетевом способе организации социума, только в указанных формах успех представляет ценность.

Изложенные мысли никоим образом не обременены претензией на завершенность. Безграничность желания знать и постигать вполне под стать безграничным возможностям нашего мышления. В фильме «Древо желания» Тенгиза Абуладзе есть такие слова: «Небу не хватает лестницы, морю – моста, человеку – справедливости». И если подобные желания предполагали бы конец, то феномен мудрости был бы пустым.

Перефразируя Платона, можно подвести итог: мудрость – это трудно. А исходный постулат таков: мудрости нельзя учить, но ей можно научиться.

Ссылки на источники

1. Фуко М. Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: сб. переводов и рефератов. – Минск: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. – С. 76.
2. Кант И. Сочинения. Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – С. 241.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. – М., 1975. – Т. 1. С. 212.
4. Кант И. Указ. соч. – С. 464–465.

Mzia Kuparashvili,

Doctor of Philosophy, Professor of Philosophy at Dostoevsky Omsk State University, Omsk

kuparashvili@rambler.ru

How to be wise and is it necessary to be

Abstract. The proposed to the reader article is about the unique nature of wisdom as an expression of the essential human potentiality. In the center of attention is the analysis of uselessness of wisdom, indifferent attitude to the deep knowledge and the lack of an orientation of contemporary to the true self-realization.

Key words: wisdom, knowledge, intellect, conscience, duty and justice.

References

1. Fuko, M. (1996) "Nicshe, genealogija i istorija", in *Filosofija jepohi postmoderna: sb. perevodov i referatov*, Izd. ООО "Krasiko-print", Minsk, p. 76 (in Russian).
2. Kant, I. (1965) *Sochinenija*. T. 4. Ch. 1, Mysl', Moscow, p. 241 (in Russian).
3. Gegel', G. (1975) *Jenciklopedija filosofskih nauk*. T. 1, Moscow, p. 212 (in Russian).
4. Kant, I. (1965) Op. cit., pp. 464–465 (in Russian).

Рекомендовано к публикации:

Некрасовой Г. Н., доктором педагогических наук, профессором, членом редакционной коллегии журнала «Концепт»

ISSN 2304-120X

1 2

9 772304 120142